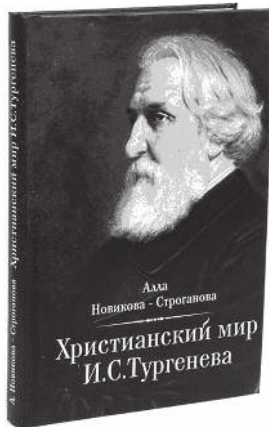

«Тьма, пришедшая с Мёртвого моря, поглотила ненавидимый инородцами город. Пропал старинный русский город, как будто не существовал на свете. Всё пожрала тьма, напугавшая всё живое в городе и его окрестностях...».

В юбилейный год 200-летия Ивана Сергеевича Тургенева (1818–1883) рождаются размышления неюбилейные. Орловская земля – родина Тургенева, Лескова, Фета, Бунина, Андреева и ещё целого созвездия выдающихся мастеров русского слова – по праву должна была бы стать эпицентром всероссийского и международного празднования славного тургеневского юбилея. Интерес к великой русской литературе и творчеству моих прославленных земляков – орловских писателей-классиков, к христианской составляющей их наследия – повсюду неизменно высок. В нашей стране и за её пределами людям для умственного и духовного роста необходим честный и чистый голос выдающихся русских художников слова.

Казалось бы, Орловщина – в отношении к литературе – более всего призвана быть лидером и примером для других регионов страны. Во множестве городов России, не претендующих, как Орёл, на звание «литературных столиц», выпускается специализированная литературная периодика. Но, как ни парадоксально, в литературном Орле не осталось ни одного периодического издания, где можно было бы публиковать статьи и материалы о духовно-нравственном содержании отечественной словесности. Моя книга «Христианский мир И.С. Тургенева», удостоенная Золотого диплома Международного славянского форума «Золотой Витязь», была издана в рязанском издательстве «Зёрна-Слово», поскольку в Орле, на родине писателя, не нашлось ни одного

издательства, которому новое освещение творчества Тургенева с христианских позиций было бы интересно. Полную отстранённость и безразличие к этому вопросу проявили также власти предержавшие, к кому я обращалась лично за помощью и поддержкой. В прямом смысле накануне тургеневского юбилея – 8 ноября 2018 года – директор Орловского краеведческого музея, в недавнем прошлом – начальник областного управления культуры Д.А. Моисеев распорядился снять книгу «Христианский мир И.С. Тургенева» с реализации, руководствуясь, по всей видимости, «законом Моисеевым», противостоящим благодати Христа.

Разочарование и подавленность – таково общее настроение истинно образованных земляков Тургенева, которые напрасно надеялись, что 200-летие писателя – значимое событие в литературной жизни не только России, но и ближнего и дальнего зарубежья – поможет оздоровить духовную, морально-нравственную, культурную, образовательную сферы в Орле и Орловской области – на родине всемирно известного писателя-классика.

К 200-летию Тургенева властные структуры города и области вознамерились готовиться ещё несколько лет назад, когда появилась государственная программа подготовки празднования юбилея писателя и в регион стали поступать немалые денежные суммы – около 200 миллионов рублей – на реализацию этой программы. Замышлялось масштабное, грандиозное торжество со множеством мероприятий. Однако никакого духовно-эмоционального подъёма, радостной атмосферы большого праздника, приподнятого настроения не ощущается. Похоже, что и финансовые средства, выделенные на подготовку к тургеневскому юбилею, использовались не по прямому назначению. Непосредственно связанные с жизнью и творчеством писателя

памятные литературно-исторические объекты Орла – «Дом Лизы Калитиной» и «Дом Лобановых» – разрушены и продолжают разрушаться.

Самодовольство и бахвальство демонстрируют лишь местные чинуши да «придворные» прихвостни, исполняя, как всегда, свою заезженную песенку: «А в остальном, прекрасная маркиза, всё хорошо, всё хорошо». Однако этим опротивевшим затасканным заверениям уже давно никто не верит, в том числе и сами профессиональные лгуны.

Орловские власти за пределами региона неизменно представляют Орёл, как «литературную столицу», «литературный центр» России. Именно такой была экспозиция Орловской области на Олимпиаде в Сочи, сопровождавшаяся высказываниями Тургенева о родине. Факел параолимпийского огня в Орле зажигали от символического писательского пера. На международном инвестиционном форуме даже соорудили беседку-ротонду с именами земляков – русских классиков мировой литературы.

В самом деле, великое наследие писателей-орловцев – единственное, чем по-настоящему может гордиться Орловская область, чем она прославлена доброй славой

во всём мире. Только это никак не связано с деятельностью властей предрежащих, это вовсе не их достижение и заслуга. И, как видно, от пафосных прожектов об Орле как о «литературной столице России» и высокопарных слов, мертворождённых напыщенно-себялюбивыми чиновниками, до реального дела – «дистанция огромного размера».

Великий писатель-орловец, благодаря которому провинциальный Орёл прославился доброй славой во всём цивилизованном мире, сейчас мало кому помнится на его родине. Автор данных строк свидетельствует, что многие учащиеся выпускных классов орловских школ, гимназий и лицеев даже не знают, как пишется фамилия великого земляка, искажая её до неузнаваемости: «Тургенив» или даже «Тургеньив». Создаётся впечатление, что в орловских учебных заведениях, как и повсюду в России, из детей формируют каких-то инопланетян, без родства и родины.

На протяжении последних постперестроечных десятилетий планомерно проводится изуверская политика разрушения и уничтожения полноценного образования. Безбожно урезаются «сверху» и без того скудные часы школьной программы, отведённые на изучение русского языка и литературы. Варварское притеснение русской словесности в школе привело к катастрофической тотальной безграмотности во всех областях деятельности, вплоть до высших властно-чиновничьих сфер. Это примета нашего времени, неоспоримый факт. Чудовищно то, что в России повальной неграмотности уже мало кто удивляется и почти никто её не стыдится.

Литературу поспешно «проходят» (в буквальном смысле: проходят мимо литературы) как занудную обязаловку. Русская классика в школе ещё не прочитана, её глубинный духовный смысл не доводится учителями до ума и сердца учеников, потому что зачастую не доходит и до самих недоученных или бездуховных горе-педагогов. Русскую литературу преподают примитивно, поверхностно, обзорно, не требуя обязательного прочтения произведений великих русских писателей, ограничиваясь приблизительными, азбучными пересказами. Так навсегда отбивается охота возвращаться к сокровищнице отечественной словесности в дальнейшем, перечитывать и постигать её на новых уровнях «разумения о смысле жизни». Преподавателям словесности требуется не просто занимать места – здесь нужно особое служение, горение духовное. Когда «душа требует, совесть обязует, тогда и сила большая будет», – так учил Святитель Феофан Затворник, великий духовный писатель, земляк Тургенева и Лескова – также уроженец орловской земли.

Среди всех остальных учебных предметов единственно литература не столько школьный предмет, сколько формирование человеческой личности через воспитание души. Русская классика, подобно Новому Завету, всегда нова и актуальна, даёт возможность соединять времена. Однако страх чиновников от образования перед честным словом русских писателей столь силён и так сильна ненависть к отечественной литературе и её «божественным глаголам», призванным «жечь сердца людей», что до настоящего времени христиански одухотворённая отечественная словесность заведомо искажается, преподносится с атеистических позиций в подавляющем большинстве учебных заведений России. Так что они вполне подходят под определение, данное в одноимённой статье Н.С. Лескова о школах, где не преподавался Закон Божий, «Безбожные школы в России».

Невнимание к духовной природе человека, отказ от Бога, отрыв от русской почвы подводят к тому, чтобы воспитанники безбожных школ обращались в мошенников и авантюристов, преступников и злодеев, живущих по звериным законам борьбы за существование. О подобных закоренелых грешниках

апостол Павел свидетельствовал, что «они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распри, обмана, злонравия, злоречивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобретательны на зло, непослушны родителям, безрассудны, вероломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы» (Рим. 1: 29–31).

Святой праведный Иоанн Кронштадтский утверждал, что «без Христа суетно всё образование». Кому и для чего выгодно вылепливать в «безбожных школах» духовно неразвитых самолюбивых безбожников, подменяя Христа – «вековечный, от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек» (Ф.М. Достоевский) – ложными идеалами и кумирами?

Тургеневу и в его эпоху тяжело было выносить гримасы суетливого и суетного времени – «банковского периода». До такой степени, что в год своего 60-летия писатель объявил о намерении оставить литературную деятельность, «положить перо» и никогда более за него не братья. Тургеневу в Орле ни раньше, ни теперь не посвящалось духовно наполненных существенных событий значительного масштаба. Заорганизованные «мероприятия», связанные с именем классика, никак не могут пробиться на широкий общественный простор сквозь узилище кафедральных междусобойчиков, заточение кулуарных музейных посиделок да запылённых библиотечных выставок. Всё, что порой выливается на улицы «литературной столицы» под маркой «тургеневских праздников», с сопутствующей торговлей безделушками, шашлыками, бубликами, никоим образом не соответствует духу Тургенева.

Таково недавнее карнавальное шоу, не имеющее никакого отношения ни к писателю, ни к русскости, под сомнительным и пошлым названием «Мода на русское». Как известно, мода – явление временное, быстротечное. Значит, по мысли затейников этого представления, русское – это не бессмертное состояние души и духа человека, а нечто недолговечное, скоропреходящее, во что можно поиграться, вырядиться, а затем скинуть и забросить, как вышедшее из моды тряпье, и покончить с ним навсегда.

В городе имеются места, связанные с именем писателя: улица, театр, музей. Памятник – на берегу Оки. Бюст – в заповедном уголке Орла «Дворянское гнездо», которое уже потеснено элитной застройкой местных нуворишей. Но живого духа Тургенева и его благодатного творчества не ощущается.

Писатель для большей части орловцев не более чем бронзовая фигура на постаменте или истёртая полузабытая страница недочитанного и недопонятого школьного учебника. Создаётся впечатление, что Тургенев и его творчество никому не нужны, не интересны. Лишь изредка проводятся заорганизованные «мероприятия», подобные бутафорскому «тургеневскому празднику», на мой взгляд, больше похожему на часть многолетней непрекращающейся пиар-кампании депутата-чиновника Вдовина, которому в этом содействуют некоторые ретивые «деятельницы от культуры».

Издревле на Руси известна пословица: «Мели, Емеля, – твоя неделя». А в литературе писателем-орловцем Н.С. Лесковым уже был художественно воссоздан реально существовавший персонаж – Иван Яковлевич из дома для душевнобольных и «скорбных на голову», к которому недалёкие люди за советом бежали.

По отзыву М.Е. Салтыкова-Щедрина, в тургеневской прозе заключено «начало любви и света, в каждой строке бьющее живым ключом». После чтения произведений Тургенева «легко дышится, легко верится, тепло чувствуется», «ощущаешь явственно, как нравственный уровень в тебе поднимается, что мысленно благословляешь и любишь автора». Но где тут большинству наших соотечественников выбрать время

для чтения гармоничной прозы, чтобы поднимать свой нравственный уровень, – иные заботы одолели: всё жёстче сжимаются тиски «торговой кабалы», засасывает в смрадное болото «тина мелочей», заплывает телом душа.

Люблю и помню старый Орёл – тихий, зелёный, уютный. Тот самый, что, по известным словам Лескова, «вспоил на своих мелких водах столько русских литераторов, сколько не поставил их на пользу Родины никакой другой русский город».

Нынешний город совсем не похож на Орёл моего детства и юности, а тем более на тот «город О.», что описан Тургеневым в романе «Дворянское гнездо» (1858): «Весенний, светлый день клонился к вечеру; небольшие розовые тучки стояли высоко в ясном небе и, казалось, не плыли мимо, а уходили в самую глубь лазури. Перед раскрытым окном красивого дома, в одной из крайних улиц губернского города О... <...> сидели две женщины. <...> При доме находился большой сад; одной стороной он выходил прямо в поле, за город».

Сегодняшний Орёл безвозвратно утратил своё былое очарование. Город зверски изуродован капиталистической застройкой на каждой выгодной пяди земли. Варварски снесены многие старинные здания – памятники архитектуры. На их месте высятся монстры: торговые центры, гостиничные и развлекательные комплексы, фитнес-клубы, питейно-увеселительные заведения и прочее. На окраинах расчищают места под уплотнённую застройку, вырубает рощицы – наши «зелёные лёгкие», которые хоть как-то спасали от смрада, смога и выхлопов нескончаемых автомобильных пробок. В центральном городском парке – и без того убогом – губят деревья. Старые липы, клёны, каштаны гибнут под бензопилой, а на их месте появляются очередные уродливые чудища – безобразные забегаловки «фаст-фуд» вкупе с биотуалетами. Прогуляться и просто подышать чистым воздухом горожанам уже негде.

Впору сказать, перефразируя М. Булгакова, «пропал старинный русский город, как будто не существовал на свете».

Не уберёгся от изуверского нашествия «торговой кабалы» и Тургеневский бережок, названный так ещё в XIX веке, – знаменательное место на высоком берегу Оки, где установлен памятник Тургеневу. На эту достопримечательность указал в своё время землякам-орловцам Лесков: «Отсюда, – писал Николай Семёнович, – знаменитое дитя впервые окидывало своими глазами небо и землю, и, может быть, здесь же было бы хорошо поместить памятный знак с обозначением, что в Орле увидел свет Тургенев, пробудивший в своих соотечественниках чувства человеколюбия и прославивший свою родину доброю славою во всём образованном мире».

Долгие годы фоном для памятника всемирно известному великому русскому писателю служила режущая глаз надпись «СОСА-COLA» на ярко-красной тряпке, что моталась над торговой точкой, обосновавшейся здесь же – на Тургеневском бережке.

Торгашеская зараза перекинулась на родине Тургенева на его произведения. Их названия служат в Орле вывесками накинутых на горожан торгово-доходных сетей,

что оплели город, словно гигантская паутина: «Тургеневский», «Бежин луг», «Малиновая вода»...

Невольно задашься вопросом: почему к торговому центру прилеплено название «Тургеневский»? Ведь Тургенев-то торгошом не был. Он не может сейчас за себя постоять, вот и склоняется его светлое имя направо и налево – для прикрытия продажности, завлечения покупателей, особенно приезжих посетителей родины великого русского писателя.

Не лучше ли назвать торговый центр именем какого-нибудь известного в городе современного деятеля-торговца или в честь именитых купцов, живших в Орле: например, «Серебренниковский». Можно просто «Серебряный». В этом случае название будет напоминать о вечном предателе Христа Иуде, продавшем Господа на муку крестную за тридцать сребренников.

Но в Орле всё наоборот. Всё, как любил повторять Лесков, «шиворот навыворот»: областное управление культуры располагается в бывшем доме торговца, купца Серебренникова, а торговые точки орудуют под славными именованиями, похищенными из сферы русской духовной культуры. Прав был Лесков, утверждая, что у нас, в России, «что ни шаг, то сюрприз, и притом самый скверный».

И вот очередной «сюрприз» – «самый скверный» – не заставил себя долго ждать. Совсем недавно – буквально перед 200-летием великого классика – грубо попораны и гнусно опошлены заглавия его наиболее христиански одухотворённых великих романов, в основе которых неутолимая духовная жажда веры в Бога и бессмертие, предчувствие «жизни бесконечной» для людей – как детей общего Отца Небесного.

«Дворянское гнездо» – так названо агентство недвижимости, открывшееся вблизи памятника И.С. Тургеневу. «Отцы и дети» стали названием «гастробара и винотеки». Расположилось это заведение не где-нибудь, а прямо напротив филологического факультета (по-нынешнему – института) Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева. Руководство и преподаватели факультета и университета, как всегда, отмолчались, воспринимая случившееся как нечто должное или ничего не значащее. В то время как в этом безобразном явлении обнаруживаются не просто духовная и умственная неразвитость, невежество, безвкусица, пошлость. Здесь пик духовной деградации, цинизма, бессовестности, прямого издевательства и глумления над творческим наследием и памятью великого писателя в год его 200-летия!

Может быть, продолжая надругательство над всемирно известным тургеневским произведением, учредители и устроители гастрономически-питейного заведения доведут ситуацию до абсурда и будут использовать образы бессмертного романа для завлечения посетителей – выпивох и любителей побаловать свой желудок?

Например, бармен примет образ утончённого аристократа Павла Петровича Кирсанова. Блистательная Анна Сергеевна Одинцова и загадочная княгиня Р. будут официантками. Простодушная Феничка – посудомойкой. Визгливый Ситников и «эмансипе» Кукшина – мастера устраивать бедлам – к примеру, подойдут на роли ресторанных музыкантов. Интеллигентный и сдержанный Николай Петрович Кирсанов будет швейцаром. «Бланманже» Аркадий и его невеста Катя станут зазывалами. Ну, а главному герою романа Базарову – самому мощному по духу и физической силе – достанется роль вышибалы.

«Всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно»... Здесь уже не край адской бездны, а самое её дно!

Формально всё вроде бы совершается на законных основаниях. Ни добросердечному Тургеневу, ни его наследникам и в голову не пришло бы делать из заглавий его произведений зарегистрированный товарный знак, «бренд», чтобы в дальнейшем никто не мог на него покуситься. Вот и пускаются эти названия на продажу, затаскиваются в торговый оборот, истрёпываются, опошляются лавочниками и торгашами.

По действующему законодательству всё разрешено. А где же законы совести, душевной опрятности, элементарной порядочности? «Законникам разноглагольного закона», подменяющим заповеди Божьи лукавыми человеческими установлениями, Лесков противопоставил Христа, «Который дал нам глаголы вечной жизни».

Но сейчас всё святое и чистое попрано, раздавлено, смешано с грязью. Метастазы рыночного торжища гипертрофированно разрослись и поразили насквозь государство и право, политику и экономику, науку, культуру и искусство, образование и здравоохранение – все без исключения сферы жизни, в том числе духовно-нравственную. Торгашество и продажность стали «нормой», устойчивым атрибутом, основной приметой нашего «банковского» (по лесковскому слову) периода.

Торговые центры, рынки, магазины, питейно-развлекательные заведения – с их непременным «мочемордием» (выразительный словообраз, употреблённый Лесковым) – множатся безостановочно. Разбогатевшие в «сфере плутней и обмана» купцы-«пупцы» – «прибыльщики и компанейщики» (как именовал их Лесков) – на «ярмарке тщеславия» становятся «самыми мелочными и ненасытными честолюбцами», лезут во власть и в знать: «купец постоянно в знать лезет, он “мошной вперёд прёт».

Похищая у Тургенева название его великого романа для «гастробара и винотеки», учредители этого авантюрного заведения, по евангельскому слову, ни Бога не боялись, ни людей не стыдились. Справедливо предрекал подобным предпринимателям другой классик – земляк и защитник тургеневского наследия Лесков: «Вы расточили и свою совесть, и у людей расточили всякую веру в правду, и вот за это расточительство вас все свои и все чужие люди честные – потомство, Бог, история осудят». Писатель горячо выступал в защиту «генерала от литературы» Тургенева – «слишком крупного среди всех наших величин» – от всякого рода «литературных <и не только литературных. – А. Н.-С.>хамов».

Также и Лескова наряду с Тургеневым приспособливают под продажные нужды: распоясались до того, что лукаво умудрились опошлить дивное именование его замечательной христиански одухотворённой повести – выстроили гостиницу с рестораном

«Очарованный странник».

На моей памяти было и ещё нечто жуткое. В 1990-е годы, о которых теперь повсеместно принято упоминать не иначе как «лихие девяностые», в Орле продавали вино кроваво-красного цвета с этикеткой «Леди Макбет Мценского уезда»... Подразумевалось, вероятно, что в бутылке намешана кровь убиенных Катериной Измайловой жертв.

Так незаметно жертвами стали и потребители подобной околосредоточенной продукции. В настоящее время бронзовые фигурки орловских писателей, запрятанные между уродливыми громадами сооружений торгово-развлекательного комплекса «ГРИНН», служат своеобразной приманкой для привлечения покупателей и клиентов.

Совсем недавно на месте развалившегося «Дома Лизы Калитиной», который многие годы был буквально брошен на разрушение, местные чинуши предложили выстроить питейно-увеселительное заведение... Назовёте-то вы его как, «господа хорошие»? «Грибоедов»? Или, может быть, сразу без церемоний – «Тургенев»? А ваши холуи весом поменьше станут подавать в нём «порционных судачков а наторель» и будут предлагать «закусить водку грибочком»? И ходить на шабаш туда станет «элита» и «богема» – безбожники и черти в человеческих шкурах, подобные приснопамятным председателю МАССОЛИТа Берлиозу и бездарному поэту Бездомному из сумасшедшего дома. Таких самовлюблённых горе-литераторов, которые проскакали мимо христианнейшей в мире великой русской литературы, в Орле хватает.

В областном центре расплодилось огромное количество пивнушек, рюмочных и прочих зланных мест. Существуют, например, питейные заведения, которые находятся в двух шагах от православных храмов. После обильного застолья и выпивонов можно зайти помолиться, устроить обряд изгнания беса, как в рассказе Лескова «Чертогон».

Опомнитесь, пока не поздно, несчастные! Может быть, Господь сжалится, ибо Он долготерпелив и многомилостив, ждёт искреннего покаяния грешников.

Голос людей, равнодушных к облику и судьбе города, отданного на растерзание, на распродажу, – не более чем «глас вопиющего в пустыне». Законами дикого сословно-олигархического капиталистического рынка граждане России ввергнуты в звериную борьбу за существование. Многие находятся за чертой бедности, большинство людей поглощены элементарными проблемами выживания: как оплатить постоянно нарастающие цифры налоговых уведомлений и квитанций ЖКХ, на чём сэкономить до скудной зарплаты, до нищенской пенсии... До литературы ли тут?

И всё же, как говорил Лесков, прибегая к евангельской образности, «литература у нас есть соль», и нельзя допустить, чтобы она «рассолилась», иначе «чем сделаешь её солёною» (Мф. 5:13)?

«Не можете служить Богу и мамоне» (Лк. 16: 13), – говорит Христос. Тургенев, Лесков, Достоевский, как и вся русская классическая литература, неустанно разоблачали тех псевдо-благодетелей народа, которые, маскируясь русскими именованиями и вывесками, снаружи рядясь в овечьи шкуры, а изнутри будучи волками, фарисейски прикрываются благими целями добродетели, с целью безбожно обогащаться, получать свои барыши, выгоды, прибыли и сверхприбыли, служить не Богу, а мамоне.

«Чёртовы куклы» – так именовал чиновников-марионеток Лесков. Тургенев в романе «Новь» писал о высокопоставленных персонах: «У нас на Руси важные

штатские хрипят, важные военные гнутят в нос; и только самые высокие сановники и хрипят, и гнутят в одно и то же время». Лесков подхватил и продолжил столь выразительную характеристику «крупносановных» людей, по долгу службы призванных заботиться о благе страны, а на деле составляющих «несчастье России»: в тургеневском «последнем романе: это или денежные глупцы, или проходимцы, которые, добившись генеральства на военной службе, “хрипят”, а по штатской – “гундосят”. Это люди, с которыми никому ни до чего нельзя договориться, ибо они не хотят и не умеют говорить, а хотят или “хрипеть”, или “гундосить”. В этом скука и несчастье России». Поистине универсальный портрет «крапивного семени», ненавистного русскому народу, – неистребимой чиновной бюрократии. Писатель обнажает её низменные зоологические черты: «надо начать по-человечески думать и по-человечески говорить, а не хрюкать на два давно всем надоевшие и раздражающие тона».

Как легко и соблазнительно зло может рядиться в одежду добра. Распознавать такую маскировку учил Святой старец Силуан Афонский: «Всякое зло <...> паразитарно живёт на теле добра, ему необходимо найти себе оправдание, предстать облечённым в одежду добра, и нередко высшего добра», потому что «зло всегда действует обманом, прикрываясь добром». Но, как пояснял старец, различение добра и зла необходимо и возможно, поскольку «добро для своего осуществления не нуждается в содействии зла, и потому там, где появляются недобрые средства (лукавство, ложь, насилие и подобное), там начинается область, чуждая духу Христову».

В этой связи наиболее актуально звучат слова Лескова, который устами своего героя-правдолюбца Василия Богословского в повести «Овцебык» обращался к тем «благодетелям» народа, у кого слово расходится с делом: «А вижу я, что подло все занимаются этим делом. Всё на язычничестве выезжают, а на дело – никого. Нет, ты дело делай, а не брешь.<...>эх, язычники! фарисеи проклятые! <...> Таким разве поверят! <...> Душу свою клади, да так, чтоб видели, какая у тебя душа, а не побрехеньками забавляй».

Возсевшим на «Моисеевом седалище» фарисеям и законникам, что любят «предвозлежания на пиршествах», «председания в синагогах и приветствия в народных собраниях» (Лк. 11:43), Господь Иисус Христос адресовал гневное обличение: «Он сказал: и вам, законникам, горе, что налагаете на людей бремена неудобноносимые, а сами и одним перстом своим не дотрагиваетесь до них» (Лк. 11:46).

В статье с многозначительным названием «Торговая кабала» Лесков пророчески утверждал: «Не знаем мы, когда прорвётся этот отвратительный круговорот опошления <...> а думаем, что не скоро».

Если бы вдруг воскрес к своему 200-летнему юбилею добросердечный, гармоничный Иван Сергеевич Тургенев – благородный противник торгашества, подлости и пошлости, невежества и лжи – сбежал бы он, наверное, подальше от нынешнего Орла – города, в котором появился на свет Божий. Ушёл бы побродить в Полесье или по окрестностям Спасского, остался бы наедине с врачующей душу среднерусской природой, подальше от бессовестных спекуляций его светлым именем и творчеством.

Остаётся уповать только на Бога. Как говорил раннехристианский духовный писатель Тертуллиан, бессмертная «душа человеческая – по природе христианка». И она выстоит, победит, несмотря на явный разгул бесовщины.